

Теория метафоры: границы применения

Научный руководитель – Чалый Вадим Александрович

Бычкова Анна Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории и теории мировой культуры, Москва, Россия

E-mail: annaann560@gmail.com

Одним из главных средств выразительности языка является метафора. Её можно мыслить как литературный приём, лингвистическое средство. Н. Д. Арутюнова в статье «Метафора и дискурс» [1] описывает метафору как «сознательную ошибку в таксономии предметов» (Арутюнова, 1990 — 18 с).

Мы часто говорим о метафоре как о переносе значения, но этот перенос весьма необычный. Однако стоит проблематизировать само понятие значения, стоит уточнить и «ошибку в таксономии». Можно обратиться к классической теории категорий, в которой важным является поиск необходимо достаточного признака для выделения одного класса предметов и отделения его от другого. Ошибка в таксономии могла бы выражаться как утверждение о включенности предмета в ту категорию, в которую мы не могли бы его рационально отнести. Однако такая логика перевода и переноса значения содержит в себе важную предпосылку: чтобы значения могли меняться местами, места должны быть закреплены, т.е. язык уже должен свершиться. Это слишком сильная предпосылка, от неё можно и отказаться.

Современная теория рассматривает метафору как способ организации знания и действия, создания специфического видения мира: в своей проблематике теория метафоры подходит к когнитивным наукам (например, Дж. Лакофф и М. Джонсон) и культурной антропологии (Э. Кассирер, Х. Блуменберг).

Рассмотрение метафоры как способа организации знания и действия ведёт к пересмотру концепции от «мифа к логосу», которая становление культуры видит как последовательный процесс, в котором меняются наши познавательные операции. Предельное различие мифа и логоса становится под вопрос. Так, Кассирер в очерке «Сила метафоры» [2] говорит, что метафора — это не перенос значения в рамках одного ряда, а переход в новый, т.е. некий процесс трансцендирования. Для обоснования этого тезиса, он вводит понятие базисной метафоры, на основе которой формируются язык и миф: существовала необходимость как можно точнее назвать предмет, но одновременно и табу на некоторые имена, поэтому происходил перенос значения. Однако мы не можем рассматривать ряд значений как сформировавшийся, поэтому метафора является не просто переносом, а процедурой преобразования в другой род. В языке это выражается в превращении эмоционального или мировоззренческого содержания в звук, а в мифе — практического, повседневного действия в ранг священного (Кассирер, 1990 — 33-44 с).

Немецкий философ Ханс Блуменберг тоже подвергает сомнению концепцию «от мифа к логосу», корень и мифа, и философии возводит к удивлению. В труде «Работа над мифом» [4] он видит процесс культурного становления как работу над концепцией абсолютизма реальности: изначальные условия существования человека близки к отсутствию контроля над условиями собственного существования. Такое состояние можно объяснить как экзистенциальную тревогу. Шагом вперёд к освоению этой реальности является перевод тревоги в рационализированный страх. Главную роль в этом процессе Ханс Блуменберг отдаёт не опыту и познанию, а искусным, фигуральным приемам: они заменяют

знакомым незнакомое, объясняют необъяснимое и именуют неизменное — с помощью метафоры, конструирования историй и ритуала (Blumenberg, 1986 — 12 S.). Этот процесс можно рассматривать и пространственно: нечто извлекается из неблизкого. У человека нет мира, который был бы сортирован по категориям, он скорее воспринимается как значимость, а не разумность: обладание миром [Welt zu haben] — результат искусства, но это не тотальность «Gesamtkunstwerk», а «работа над мифом». Важными становятся иллюзионистские силы: сон, мечтание, фантазия, создание концепций сверхъестественной силы. А на смену абсолютизму реальности приходит абсолютизм образов и желаний.

Метафора в системе Блуменберга является и философским приёмом. В работе «Парадигмы к метафорологии» [5] Блуменберг настаивает на том, что задача метафорологии — открытие метафоры не как объекта, а как приёма, а также анализ замешательства, которое возникает в истории мысли при попытке раскрытия метафоры (апория). Как уже было сказано относительно труда «Работа над мифом», Блуменберг считает ошибочным рассмотрение метафоры как рудимента пути от мифа к логосу, он доказывает необходимость метафор как основы философского языка. Например, при анализе понятий истины, Блуменберг замечает, что необходимо ответить на вопросы «прасистематического» характера. Ответы же на эти вопросы могут быть в «непрозрачных слоях мысли» и открыто в системы не формируются (Blumenberg, 1960 — 13 S.). Продуктивным может оказаться исследование с помощью метафоры света.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в совместной работе «Метафоры, которыми мы живем» [2], и Дж. Лакофф в книге «Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении» [3] отвергают теорию классическую теорию категорий: существует достаточное количество экспериментов и опытных данных (например, исследования Элеонор Рош), которые опровергают концепцию мышления человека, построенную на классической теории категорий. В языке существует достаточное количество прототипических эффектов: можно принадлежать к категории в большей или меньшей степени, некоторые элементы являются лучшими представителями данной категории, чем другие. Это ведёт к необходимости смены исследовательской парадигмы: от объективизма к экспериенциализму. Категории нашего мышления и действия сообразны нашему телу, поэтому можно заметить, насколько большая часть нашего обыденного языка построена по пространственному признаку. Например, с помощью ориентации «верх-низ» организованы такие абстрактные понятия как «добродетель», «богатство», «хорошо» и др. Фигуральность системы нашего мировосприятия представлена не только с помощью метафор, но и с помощью, например, метонимических моделей. С их помощью можно объяснить существование стереотипов: метонимия, т.е. замена категории её отдельным представителем, проявление прототипических эффектов в языке.

Метафора как организующая сила знания действия приводит к смене философской парадигмы. Её можно рассматривать как жест, что подчёркивает телесную и пространственную ориентированность метафоры. Она находит свое отражение в когнитивных структурах и формах жизнедеятельности человека.

Источники и литература

- 1) Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., йен., польск. Яз./Вступ. Ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. Ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
- 2) Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 256 с.
- 3) Лакофф Д., Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины. — М.: Гнозис, 2011. — 512 с. 2004

- 4) Blumenberg H: Arbeit am Mythos . — Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1986 . — 699 S.
- 5) Blumenberg H. “Paradigmen Zu Einer Metaphorologie.” Archiv Für Begriffsgeschichte 6 (1960): 7–142.